

Введение

Этот номер задумывался как вклад в давно идущую дискуссию о меняющемся характере труда и его соотношении с политическим действием. Сейчас, в ситуации вспыхнувшего военного насилия, подобный акцент на конструктивной жизни может показаться неуместным. На первый план выходит то, что Гегель называл «работой негативного». Тлеющее в труде и в поступке пламя антагонизма, борьбы доводит жажду деятельности до пароксизма и в то же время превращает ее в собственную противоположность, ибо результатом разрушительного труда войны окажется скучное, непродуктивное «ничто».

Но насилие процветает лишь на руинах политического, в отсутствие осмысленной совместной деятельности. Поэтому размышления наших авторов об отчуждении труда, о его возрастающем антагонистическом характере, о моделях протестного политического действия, которые находятся в кризисе, дают в том числе и правильное понимание фона наших исторических событий. Но в то же время они ставят и позитивный вопрос о возможностях самореализации и актуализации мечты, которые предоставляют творческий труд и демократическая политика.

Артур Третьяк и Иван Микиртумов оба посвятили свои статьи феномену отчуждения труда — но пришли к фактически противоположным выводам. Третьяк опирается на марксистскую и постмарксистскую теорию отчуждения, показывая, что сегодня основной его формой является специализация и нарочито односторонний характер труда, тормозящий «всеобщий интеллект». Микиртумов, напротив, проводит либеральную критику марксистского понятия «отчуждения». С его точки зрения, речь

идет не об абсолютных формах угнетения, а скорее о социально-психологических формах относительной депривации и ressentiment. Но в то же время, считает Микиртумов, сегодня в среде трудящихся преобладает уже не этот ressentiment, а скорее чувство состязательности, агона, которое ранее было характерно для собственников-капиталистов. На смену вертикальному гневу против вышестоящих приходит более горизонтальный гнев, массовая агрессивность.

Политическому поступку, характерному для эпохи лингвистическо-когнитивного труда, посвятил свою статью Сергей Ермаков. С его точки зрения, большинство демократических теоретиков не уделяют должного внимания «требованию» как жанру политического высказывания. Кажется, что в нем есть нечто инфантильное и патерналистское, но на деле, показывает Ермаков, именно радикальность и настойчивость в выдвигаемых требованиях (направленных на «почти-невозможное») обеспечивали победу демократических революций.

Георгий Ванунц в своей статье, уже второй в нашем журнале, ставит вопрос о соотношении действия (поступка) и труда. Арндт противопоставляет их слишком жестко, но тем не менее такое концептуальное различие имеет смысл, и с этой точки зрения важно, говорит Ванунц, что предшественник неолиберальной экономики Йозеф Шумпетер, в отличие от самих неолибералов, осмысляет предпринимательскую деятельность как поступок, а вовсе не как производство или рутинный труд. Если Вирно, и за ним Третьяк и Микиртумов, пишут о взаимопересечении труда и поступка на материале массового трудящегося, то Ванунц выявляет это смешение на «высшем» уровне крупной буржуазии.

В номере также опубликованы две академические статьи, не имеющие большого отношения к теме спецномера. Максим Морозов в интересном и плотном исследовании, посвященном современной диалектике где-то на стыке диамата и спекулятивного реализма, дает понятие фрактала как новой диалектической категории, переводящей фрагментарность современного общества в залог его тотализации. Елена Конорева в единственной англоязычной статье данного номера развивает психоаналитическое понятие истерии (незаслуженно, по ее мнению, цензурированное) и обращается к творчеству современного российского психоаналитика Александра Смулянского, впервые представляя его международному читателю.

В разделе «эссе» (это развернутые реплики вне общепринятого академического формата) мы, во-первых, публикуем раз-

мышления Андрея Майданского об утопии политехнического образования. Это эссе тематически примыкает к статье Третьяка и рассказывает о выработанных в СССР альтернативах отчуждению как сверхспециализации: в частности, о всестороннем, так называемом «политехническом» образовании, которое во многом осталось утопией (но здесь надо спросить, не реализован ли этот идеал, наоборот, в образовании западных стран). Во-вторых, в рубрике «эссе» мы публикуем остроумную этическую медитацию Алексея Гринбаума. Гринбаум применяет арендианскую этику решительного поступка в среде, предполагающей суждение и прощение, к современному поведению в социальных медиа. С его точки зрения, незавершенность, неуничтожимость и относительная безличность постов и лайков приводит к распространению этического «зла» и морализаторских обвинений в оном. Альтернативой может быть новая технология, создающая «метавселенную»: тут накладываются различные зоны внимания и есть возможность перевести любое общение в личный диалог.

Мы видим, что столь разные статьи, происходящие из индивидуальных исследовательских проектов, с разных сторон подходят к необходимости возобновления целостной теории совместной деятельности, в которой центральным был бы момент трансформирующего и открытого поступка. Хотя изобилуют теории, описывающие труд-поступок в отчужденном его состоянии, мало говорится о конструктивных альтернативах этому плачевному состоянию, и данный номер «Стасиса», не вырабатывая еще полностью этих альтернатив, подводит к ним.